

Исследовательский проект «Sociétés nomades et Etats: transitions et pouvoirs locaux chez les Bouriates (Fédération de Russie) et les Kirghiz (Kirghizstan). Analyses comparatives» («Кочевые общества и государство: общественные трансформации и структуры местной власти у бурят (РФ) и киргизов (Киргизская Республика). Сравнительный анализ») осуществляется в рамках конвенции РАН – CNRS (Франция) N°9573. ACI « tradition nomade » в 2003-2005 годы. 36 интервью были записаны автором в сентябре 2003 и июле 2004 года в Агинском Бурятском автономном округе.

... В России исследование проводится среди бурят, проживающих в Читинской области, на территории Агинского Бурятского автономного округа. Согласно полученным нами данным, для данного населения его этническая принадлежность, или, в обыденном словоупотреблении, «национальность», является бесспорной. Для многих опрошенных сегодня эта форма идентичности является более важной, нежели гражданская принадлежность к Российской Федерации, и занимает наиболее высокую позицию в иерархии составляющих идентичности индивида («в советское время я себя чувствовал в первую очередь гражданином СССР, сегодня я прежде всего бурят, а потом уже гражданин России»).

Принадлежность к бурятам основывается, по мнению опрошенных, прежде всего на биологических критериях. Никто не сомневается в том, что существует единственная возможность стать бурятом: это родиться им. Даже человек, живущий в бурятской среде и говорящий по-бурятски, не может считаться бурятом, если его родители (а точнее, – его отец) не буряты. Как правило, ребенок, рожденный от отца-бурята и матери – не бурятки считается бурятом (по мнению некоторых – метисом), а от матери-бурятки и отца – не бурята – не считается таковым. Здесь налицо причудливая смесь традиционных представлений о патрилинейности кланового родства (выраженная в убежденности в передаче этнической принадлежности исключительно по отцовской линии) и упрощенно понимаемых современных биологических, а точнее – генетических концепций (отсюда заимствованный термин «метис»). Фенотипические признаки, рассматриваемые как свидетельство генетического родства, также служат одним из указаний на бурятское «происхождение» индивида.

Вторым краеугольным камнем, на который опирается бурятская идентичность, является язык. Последний воспринимается опрошенными как «этническая память», а владение языком – как «дань уважения предкам». Распространено убеждение, что язык наследуется индивидом в момент рождения, поэтому «родным языком» для бурята может быть только бурятский язык, независимо от реальной языковой компетенции. Это объясняет, в частности, и тот факт, что в ходе переписей населения буряты считают

необходимым и естественным указывать бурятский язык при ответе на вопрос о родном языке. По мнению некоторых опрошенных, язык имеет даже большее значение, нежели внешность, для определения принадлежности индивида к бурятам. Однако незнание бурятского языка не ставит под сомнение «национальную» принадлежность человека, если его родители – буряты.

Ситуация с религиозной составляющей бурятской идентичности выглядит более сложной. Наиболее древние языческие верования, в том числе шаманизм, рассматриваются общественным сознанием как не вполне «дозволенные». В советскую эпоху шаманизм был запрещен, и многие шаманы подверглись репрессиям. В настоящее время, судя по всему, местные власти сделали ставку на буддизм, которому все более придается в регионе статус официальной религии и который, в отличие от шаманизма, пользуется более или менее открытой поддержкой светской власти. В то же время, буддистские священнослужители – ламы не проявляют враждебности к шаманам и не пытаются запретить населению контакты с ними. Несмотря на поверхностный характер усвоения бурятами буддистского вероучения, эта религия сыграла выдающуюся роль в процессе консолидации разрозненных кланов (каждый из которых имел собственных богов и собственные святыни) в бурятский этнос, по мере того как функции шаманов в коллективных ритуалах, и в частности – в обрядах жизненного цикла, переходили к ламам. В сущности, сегодня обе системы религиозных представлений считаются в равной степени близкими бурятам. Нет ничего предосудительного или удивительного в том, что одни и те же люди ходят и в дацан, и к шаману. Лама может даже посоветовать обратившемуся к нему человеку сходить к шаману, и наоборот. В то же время, судя по ряду интервью, религиозная принадлежность не считается необходимой составляющей бурятской идентичности: можно быть бурятом, не будучи буддистом и не посещая шаманов.

Этническая составляющая бурятской идентичности не отменяет в то же время государственной принадлежности к Российской Федерации: опрошенные называют себя «российскими бурятами», в отличие от бурят монгольских и китайских. В прошлом, прежде всего благодаря системе школьного образования, чувство принадлежности к СССР было у многих очень сильным, у некоторых даже преобладающим в структуре идентичности. Огромная территория СССР, его политическая и военная мощь были источником гордости. Сегодня место СССР в структуре идентификационных представлений опрошенных мало помалу занимает Российская Федерация (*«родина не изменилась, изменилась только политическая система»*), однако связь индивида с новым государственным образованием менее выражена, и ее упрочению заметно мешает очевидное ослабление государства, которое не является больше ни вездесущим, ни всемогущим. С другой стороны, открытие границ и интенсификация контактов с другими странами, в частности, с Монголией и Китаем, способствуют созданию новых социальных и экономических связей, влияние которых на процесс трансформации идентичности не следует недооценивать. Напротив,

административная единица – округ, похоже, вовсе не является идентификационным ориентиром. Это не удивительно, учитывая низкий статус округа в политико-административной иерархии, его неопределенное будущее в свете предполагаемого укрупнения субъектов федерации, разговоры о котором ведутся уже не первый год, а также слабость экономического положения – все это придает данной территориальной единице несамостоятельный и временный характер. Наделенный такими свойствами, округ, естественно, не может служить воплощением этнического суверенитета: эта идея связана скорее с Республикой Бурятия (которую опрошенные нередко называют «нашей республикой» и гимн которой с большим энтузиазмом исполняется ими во время застолий).

Клановая принадлежность сегодня актуализировалась у некоторых в прошлом кочевых тюрко- и монголоязычных групп. Клань не имеет жесткой привязки ни к тем или иным этническим группам, ни к территориям – напротив, представителей одного и того же клана можно встретить у представителей многих этнических групп, удаленных друг от друга на большие расстояния. В советское время клановые отношения рассматривались как архаический пережиток, препятствующий прогрессивному развитию социальных отношений, а потому их належало изживать. Тем не менее, представления о клановых системах родства в той или иной мере сохранились в коллективной памяти населения.

Для Агинских бурят клановая принадлежность сегодня очевидно является вторичной, она не определяет их повседневное поведение. Нередки случаи браков внутри одного и того же клана; нами не отмечено каких-либо форм экономической, обрядовой деятельности, взаимопомощи в рамках клана. Многие затрудняются ответить на вопрос о том, к какому клану они принадлежат. В основном клановая тематика возникает в связи с публичными праздниками, что свидетельствует о недавнем воскрешении общественного интереса к этой форме идентичности, которая практически исчезла при советском строе.